

ИЛЬЯ ЕГОРОВ

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА ПО ДАННЫМ ПОЛЬСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ГОВОРА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ И КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ РФ

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей работы — проследить процессы трансформации класса числительных в польском переселенческом говоре, распространенном в двух населенных пунктах в Западной Сибири: д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и с. Знаменка Богградского р-на Республики Хакасия (далее ЗСПг). Данный говор возник в конце XIX в. после переселения в Сибирь предков его носителей, ранее проживавших на территории Волынской губернии. Эта территория, однако, не являлась их прародиной. Совокупность фонетических, грамматических и лексических черт указывает на то, что ЗСПг восходит к говорам центральной или западной части мазурской группы мазовецкого диалекта.

Первое описание названного идиома было предпринято в диссертации Евгения Ступинского¹ и в двух предваряющих ее статьях²; краткий обзор словоизменения существительного и глагола в нем был дан в нашей статье³. Ни словоизменение, ни

¹ E. Stupiński, *Polszczyzna okolic Krasnojarska*. Rozprawa doktorska napisana w Katedrze Dialektologii Polskiej UŁ, Łódź 2009.

² E. Stupiński, *Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska* // «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN», т. LIII, Łódź 2008, с. 207–218; E. Stupiński, *Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska* // «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN», т. LIV, Łódź 2009, с. 197–204.

³ И.М. Егоров, *Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском Крае РФ* // «Slavia Occidentalis» 2016, № 1(73), с. 48–59.

синтаксис числительных в данном говоре, однако, до сих пор не были объектом специального внимания. Между тем этот локальный участок системы ЗСПг позволяет высветить явления, типичные также для других славянских переселенческих говоров, развивавшихся в ситуации тесного контакта с русским языком.

Известно, что числительные относятся к достаточно устойчивой лексике. Не случайно, например, что числительные первого десятка включены в 200-словную версию списка Сводеша. С другой стороны, известно также, что числительные более высокого порядка легко заимствуются или подвергаются трансформации в результате языкового контакта. Хрестоматийным примером являются элементы двадцатеричной системы числительных французского языка *quatre-vingt* ‘восемьдесят’, *quatre-vingt-dix* ‘девяносто’, возникшие под влиянием кельтского субстрата, ср. бретонские соответствия *pevar-ugent*, *dek ha pevar-ugent*. В серболужицких языках получили исключительное распространение сложные числительные от 21 до 99, построенные по немецкой модели «названия единиц + соединительный союз + названия десятков» (известной и другим западнославянским языкам и диалектам), такие как в.-луж. *dźewjećadźewjećdźesat*, н.-луж. *źewješaźewješzaset* ‘девяносто девять’ — ср. нем. *neun-undneunzig*. Именно на таких последствиях языкового контакта мы сосредоточимся в дальнейшем изложении при характеристике отдельных фрагментов системы числительных и некоторых аспектов их функционирования в ЗСПг.

Изучение указанной части речи в данном говоре затрудняет отсутствие каких-либо работ, посвященных мазурским числительным. Информацию об их исходном состоянии можно почерпнуть из соответствующего словаря⁴, а также из текстов, опубликованных в хрестоматии Казимежа Нича⁵, как и из его очерка говоров Восточной Пруссии⁶. Источником анализируемого далее материала ЗСПг служат, с одной стороны, записи,

⁴ *Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur*, т. I: A-Ć, Polska Akademia Nauk, Instytut Języka Polskiego, Wrocław 1987, т. II: D-G 1991, т. III: H-K, Z. Stamirowska, H. Perzowa (ред.), Warszawa 1993, т. IV: L-N, т. V: O-Ó, D. Kołodziejczykowa, H. Perzowa (ред.), 2002, 2006, т. VI: PA-PÓ, D. Kołodziejczykowa, K. Sobolewska (ред.), Warszawa–Kraków 2014 (SGOWM).

⁵ K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, PWN, Warszawa 1968.

⁶ K. Nitsch, *Dialekty polskie Prus Wschodnich* // того же, *Wybór pism polonistycznych*, т. 3: *Pisma pomorzoznawcze*, Ossolineum, Wrocław–Kraków 1954, с. 397–467.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ...

сделанные в 2013 г. в ходе экспедиции в названные выше населенные пункты сотрудников и учащихся Российского государственного гуманитарного университета и Лицея «На Донской», а с другой — транскрипции текстов, опубликованные в приложении к диссертации Ступинского.

При цитировании примеров из наших записей, а также из работы Ступинского используется фонетико-фонологическая транскрипция, не отражающая далеко идущей вариативности при реализации согласных и гласных фонем⁷. Необходимые пояснения, касающиеся этой транскрипции, даны ниже в таблице 1 и примечаниях к ней.

	Фонологические признаки	Возможная фонетическая реализация
ṣ̌, ẓ̌	альвео-палатальные фрикативные	альвеолярные ṣ̌, ẓ̌ альвео-палатальные ṣ̣̌, ẓ̣̌ палатальные ṣ̣̣̌, ẓ̣̣̌
šč̣, žč̣	альвео-палатальные аффрикаты	альвео-палатальные ṣ̣̣̌, ẓ̣̣̌ палатальные č̣̣̣, ẓ̣̣̌
ṛ̌	альвео-палатальный вибрант	альвеолярный ṛ̌ альвео-палатальный ṛ̣̌
ḷ	билабиальный или латеральный сонант	основной вариант ḷ дентальный ḷ в русизмах
ị	передний ряд верхний подъем	основной вариант ị перед твердыми дентальными возможен звук среднего ряда верхнего подъема ỵ
ẹ	передний ряд средний подъем	основной вариант ẹ свободное варьирование ẹ — ẹ̣ — ỵ/ị на месте старопольского *ẹ̄, перед носовыми и ṛ,

⁷ Подчеркнем, что мы видоизменяем чисто фонетическую транскрипцию Евгения Ступинского, элиминируя фонетическую вариативность, показанную в таблице 1. Прочие примеры даются нами в транскрипции, применяемой в тех источниках, откуда они были заимствованы.

	Фонологические признаки	Возможная фонетическая реализация
о	задний ряд средний подъем	основной вариант <i>o</i> свободное варьирование <i>o — ó — u</i> на месте старопольского * <i>ō</i> и перед носовыми в анлауте возможна прелабиализация: <i>ʰo</i>

Таблица 1. Разъяснение отдельных знаков транскрипции.

Примечания.

1) Твердые согласные фонемы реализуются как «полумягкие» перед *i*. Велярные согласные перед гласными переднего ряда *i*, **е представлены** палатализованными аллофонами *k', g', χ'*. Позиционная «полумягкость» и мягкость в нашей транскрипции не отмечается.

2) Фонема *ř* представлена в речи не всех носителей ЗСПг; на ее месте может выступать фрикативный альвео-палатальный согласный. В соответствии с этим числительное 'три' имеет колеблющийся фонологический состав: *tři — tš'i*. В рамках данной статьи всюду, кроме таблицы 2, используется написание *tři*. Такое решение продиктовано стремлением к единообразной записи примеров, а единственное отступление от него — желанием передать особенности речи одного конкретного носителя.

3) С потоком лексических русизмов в фонологическую систему ЗСПг проник ряд изначально отсутствовавших в ней палатализованных согласных фонем, которые затем могли распространяться и в некоторых исконных лексемах. В частности, этим процессом оказалось охвачено числительное 'четыре': *šter'i* наряду с *šteri*.

4) К характерным особенностям мазурской группы говоров относится так называемая асинхронная реализация мягких губных согласных, одним из последствий которой является переход *v' > vž* с последующим упрощением *vž > ž*. Однако этот процесс не затронул числительного 'девять' с производными, где отмечается или переход *v' > j* (*ž'ejeńć*), или сохранение *v'* (*v žev'ontim* 'в девятom', *žev'eńset* 'девятьсот').

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОЖНЫХ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Контакт ЗСПг с русским языком привел прежде всего к перестройке подсистемы сложных порядковых числительных. На территории первоначального распространения мазурских говоров зафиксированы четыре модели устройства таких числительных, представленные в таблице 2.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ...

Модель	Пример
десятки (порядковое, склоняется) + союз <i>i</i> + единицы (порядковое, склоняется)	<i>v dnužestim i pχersim roku</i> (SGOWM 1991, 150)
десятки (количественное, не склоняется) + союз <i>i</i> + единицы (порядковое, склоняется)	<i>tyšonc ošemset šetymžėsonti šósti</i> (SGOWM 2006, 175)
десятки (порядковое, склоняется) + единицы (порядковое, склоняется)	<i>tšiž esti žėwonty rok</i> (Nitsch 1968, 301)
десятки (количественное, не склоняется) + единицы (порядковое, склоняется)	<i>w ošemžėsont pχersim roku</i> (SGOWM 2006, 174)

Таблица 2. Модели сложных порядковых числительных в мазурских говорах.

В ЗСПг доминирует модель, аналогичная русской: десятки (количественное числительное в форме им. п.) + единицы (порядковое числительное):

- (1) *s šėžžėsont cvartego goda on u nas*
С шестьдесят четвертого года он у нас.

Множеству употреблений типа (1) противостоят всего два исключения со сложным порядковым числительным, устроенным так же, как в польском литературном языке, например: **a ojca zabrali f třižestim usmim roku** ‘а отца забрали в тридцать восьмом году’.

При этом в ЗСПг наблюдается явная тенденция к утрате собственных сложных числительных — как порядковых, так и количественных. Необходимость назвать в неподготовленной речи количество, дату, возраст и т. п. вызывает у носителей определенные затруднения, которые зачастую разрешаются путем вкрапления русского числительного (примеры 2–4), причем заимствованной может быть лишь одна часть, как правило, обозначающая десятки (4):

(2) a ja f p'i.. pšeńžešont šustym / š.. šu.. da, š.. sešč, da.. pšeńžešont sešč / p'id'is' at šyst'oj got vopš:'em⁸ / da pšeńžešunt sešč / mńe tes juz duzo / duzo jus / pšeńžešont šedem lat jus mńe zara

А я в пя.. пятьдесят шестом ш.. да шесть, да пятьдесят шесть *пятьдесят шестой год в общем* да пятьдесят шесть, мне сейчас уже много, много уже, пятьдесят семь лет уже мне сейчас.

(3) eta bilo f šys' at čitv'ortam gad' u / mi igo kupšili / vot i pšiiħali s'ud' a

Это было в шестьдесят четвертом году, мы его купили, вот и приехали сюда.

(4) s šys' at třečego roku

С шестьдесят третьего года.

Нередко за русским вкраплением следует автокоррекция:

(5) vot čir'ez něšunc jej beńže v' os'imd's'id d'ev'it' ošemžešunt žeińć lat beńže

Вот через месяц ей будет *восемьдесят девять* восемьдесят девять лет будет.

(6) žul v Aleks' andrafce dvacat' d'ev'it' l'et / dvaž'ešč a žejeńć lat

Жил в Александровке *двадцать девять лет* двадцать девять лет.

Необходимость построить более развернутое рассуждение, включающее числа, может вызвать уже не вкрапление, а смену кода на более обширном участке текста:

(7) i nasej cerkv'i jus sto žešeńć lat / ot sto žešeńć / ně / t'ep'er' už' e eta kagd' a / eta už' e sto nam tr'ınacat' il'i čet' yrnacat' / vot atm'ečal'i my jub'il' ej sto d'es'et' l'et / eto uže skol'ko / goda tr'i il'i četyr'i tam' u naz' at / a tut buł koščul, ot v Malinofce / tam bili polaki / ja ně znam co to bili mazuri i polaki / to ońe ježžili f ten koščul a mi ně

И нашей церкви уже сто десять лет, вот сто десять. *Нет, теперь уже это когда (было), это уже нам сто тринадцать или четырнадцать. Вот отмечали мы юбилей сто десять лет. Это уже сколько? Года три-четыре назад.* А тут был костел, вот в Малиновке, там были поляки, я не знаю, что там, были поляки или мазуры, но они ездили в этот костел, а мы нет.

Носители мазурского говора на территории его первоначального распространения, где доминирующим языком некогда был немецкий, как показывают примеры из текста, записанного в 1950-е гг. Витольдом Дорошевским, в подобных случаях тоже прибегали к вкраплениям или к переключению кода, переходя

⁸ Здесь и далее курсивом обозначены русские вкрапления. Система транскрипционных символов для русских вкраплений отличается от описанной во введении и принятой для польского текста.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ...

соответственно на немецкий язык: *matká to умерла fir unt firciḡ* ‘мать умерла в сорок четвертом’, *pšičeḡal'im sa^eks unt firciḡ*, *w januażem fl'ixtoval'i* ‘(мы) приехали в сорок шестом, в январе бежали’⁹.

3. ЗАИМСТВОВАНИЯ

В отношении смешанных идиомов (*fused lects*), к каким можно отнести ЗСПг, остро стоит проблема разграничения частотных вкраплений и неадаптированных заимствований. Проблема снимается в том случае, если исконная лексема полностью вытеснена заимствованной. Таков случай числительного со значением ‘сорок’. Ни в наших записях, ни в текстах Ступинского нет ни одной фиксации форм, восходящих к *čtyre *desęte*. Исключительное распространение получила русская лексема *sorok*: (8) *f sorok šudmim roku še ozeńil* ‘в сорок седьмом году женился’, (9) *sorok tišenci* ‘сорок тысяч’, (10) *tera zije v Zn'am'ence uż'e sorok dva lata* ‘сейчас живу в Знаменке уже сорок два года’. Подчеркнем принципиальное отличие примеров (8–10), где русизм следует трактовать как заимствование, от примеров (2–6), где русизм осознается говорящим как вкрапление. Зафиксирован также случай, когда число 40 названо описательно: *u mńe mens f škole jek.. jak mużić / šteri žešuntka lat odrobźul* ‘у меня муж в школе — как.. как сказать — четыре десятка лет отработал’. Не отмечено и числительное ‘девяносто’, восходящее к **devęty desęty*. В немногих, но показательных примерах используются русские числительные: *z dev'anosto p'ervogo goda pšinińzuf f safḡoże nie davali* ‘с девяносто первого года денег в совхозе не давали’.

4. КАТЕГОРИИ РОДА, ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ У ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Количественные числительные в ЗСПг не изменяются по роду, представляя собой с парадигматической точки зрения более единообразно устроенный класс, чем в других польских говорах и в литературном польском языке. Это единообразие

⁹ См. K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych...*, с. 300.

обусловлено распространением старой формы мужского рода числительного *dva* как на средний, так и на женский род, что является характерной чертой северных польских говоров¹⁰. Примеры, демонстрирующие употребление числительного *dva* с существительными мужского и женского рода:

- (11) a cobi taki połov' ik zrobźić to ze dva dní^m brak
А чтобы такой половик сделать, дня два нужно.
(12) tego nam nie zabrańajće / dva goźini^f casu dajće
Этого нам не запрещайте, два часа времени дайте.

Маркером одушевленности существительного в ЗСПг следует считать синкретизм форм вин. и род. п. как ед., так и мн. ч. На территории исходной мазурских говоров синкретизм этих форм отмечен у существительных мужского рода, обозначающих людей и животных (категория персональности при этом отсутствует). В ЗСПг формы вин. = род. п. мн. ч. (наряду с вин. = им. п. мн. ч.) засвидетельствованы и у имен женского рода. Таким образом, можно говорить о развитии одушевленности русского типа. Числительные от двух до четырех, согласуясь с существительным по падежу, принимают форму вин. = род. п. мн. ч. или вин. = им. п. мн. ч. в зависимости от формы существительного:

- (13) tśimami ... dvyu^χAcc=Gen śfińuf^{Acc=Gen} i dva^{Acc=Nom} kuńe^{Acc=Nom}
Держим ... двух свиной и двух лошадей.

Некоторые контексты (14–15) указывают на то, что в сочетании с числительным от двух до четырех может блокироваться выражение одушевленности во мн. ч., хотя встречаются и примеры, где она нормально выражена (16–17).

- (14) mam tři źeći^{Acc=Nom} / dva sini^{Acc=Nom} i curke^{Acc}
У меня трое детей, два сына и дочь.
(15) dva mam // dva mam / źeći dva / dva śurki^{Acc=Nom11}
У меня двое, у меня двое, двое детей, два мальчика.
(16) dvyu bratuf^{Acc=Gen} ja pořovala
Двух братьев я похоронила.
(17) ma jus dvyu źatkuf^{Acc=Gen}
У него уже двое детей.

¹⁰ К. Dejna, *Dialekty polskie*, Ossolineum, Wrocław–Warszawa–Kraków 1993, с. 220–221, карта 59.

¹¹ Ввиду паузы перед именной группой ее можно интерпретировать и как отдельное назывное предложение.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ...

Персональность выражается в ЗСПг при абсолютном употреблении числительного или в сочетании числительного с личным местоимением. Здесь, однако, речь идет о персональности не в том смысле, в котором она обычно понимается применительно к польскому литературному языку. Как персональные охарактеризованы числительные, обозначающие группу лиц и кореферентные существительным как мужского, так и женского рода, см. примеры (18–20). В данном случае числительное стоит в форме, равной форме родительного падежа. В таких контекстах эти формы изофункциональны русским собирательным числительным. О выражении персональности при абсолютном употреблении русских собирательных числительных¹².

- (18) pŕeńćuχ nas... pŕeńć ŝostr tutaj rodniχ
Пятеро нас... пять сестер здесь родных.
(19) po źeńka bogu, co u mńe źeći su seŝćuχ jeχ
Но слава Богу, что у меня дети есть, шестеро их.
(20) dwuχ tŕeχ tak zijo normalno / kto moze
Двое, трое так живут нормально, кто может.
(21) v jednim ugli ŝteruχ i v drugim ugli ŝteruχ
В одном углу четверо и в другом четверо.
(22) i ońi dwuχ podeŝli
И они двое подошли.

5. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПЕРВОГО ДЕСЯТКА

Полные парадигмы числительных от двух до пяти были записаны участниками экспедиции 2013 г. только от одного носителя ЗСПг, Виктора Федоровича Бортницкого, в ходе парадигматического опроса. Надежными в этих парадигмах можно считать лишь те формы, которые зафиксированы также в неподготовленной речи других носителей; остальные помечены в таблице знаком вопроса. К сожалению, формы косвенных падежей числительных в наших записях спонтанной речи встречаются

¹² См. Д.В. Сичинава, *Числительное // Русская корпусная грамматика*, <http://rusgram.ru/Числительное> (28.01.2018). Собирательные числительные типа *dwóje, troje, czworo, pięćoro* в ЗСПг отсутствуют. Насколько позволяют судить данные (SGOWM), на исходной территории мазурских говоров их употребление было крайне ограничено.

чрезвычайно редко. Формы дат. и твор. п. известны только из парадигматического опроса. Иногда вышеназванный диалектоносите́ль по собственному желанию приводил формы числительных выше пяти, что дает ценный, хотя и нуждающийся в проверке материал.

	‘два’	‘три’	‘четыре’	‘пять’
Nom	dv-a	tš-i	šter'-i	pšėńć-∅
Acc	=Gen/=Nom	=Gen/=Nom	=Gen/=Nom	=Gen?/=Nom
Gen Loc	dv-uχ	tš-eχ (tš-uχ?)	šter'-uχ	pšėńć-uχ
Dat	dv-um ²	tš-um ²	šter'-um ²	pšėńć-um ²
Inst	dv-oma	tš-uma ²	šter'-uma ²	pšėńć-j-u ²

Таблица 3. Парадигмы числительных *dva*, *tři*, *šter'i*, *pšėńć*.

Из приведенных в таблице форм наибольшее сомнение вызывает форма твор. п. Появление здесь *j* говорит о пофонемном или, скорее, поморфемном пересчете (осознанном или нет) с русского языка. Польская форма ожидалась бы без *j*. Среди «форм, иногда возможных даже в одном говоре» Станислав Урбаньчик отмечает следующие: *pięcią*, *pięciotą*, *pięcietą*, *pięcimą*¹³. В SGOWiM (2014, с. 83) фиксируется форма твор. п. *s rχóńcota źęcimі*. Несмотря на вышесказанное, нет оснований исключать, что в ЗСПг реально функционируют именно формы *pšėńćju*, *sešćju*. Механизм поморфемного пересчета является продуктивным средством порождения новых лексем и отдельных форм. Нередко такие кальки замещают забывающуюся исконную лексику.

В парадигме числительного *dva* сохранилось лишь одно старое окончание в форме им. п. -а. Окончание форм род. и предл. п. возникло путем расширения старой флексии формантом -χ из местоименно-адъективного склонения. Форма дат. п., испытав воздействие субстантивного склонения¹⁴, приобрела окончание -om (о закономерно сужается перед m). Окончание

¹³ S. Urbańczyk, *Zarys dialektologii polskiej*, wyd. 7, PWN, Warszawa 1984, с. 48.

¹⁴ K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, wyd. 3, PWN, Warszawa 2006, с. 215.

формы твор. п. также следует рассматривать как результат влияния окончания двойственного числа существительных -ома (праслав. *dъvѣта). Вследствие этих процессов формант -о-/у-, распространившийся во всей парадигме, кроме формы им. п. (и равной ей формы вин. п.), стал своего рода тематическим гласным.

Формы косвенных падежей других числительных, начиная с tŕi, стремятся к выравниванию по парадигме dva. При этом tŕi сохраняет окончание -eχ в форме род. п. (и равной ей вин. п.): *nĭ ma tŕeχ krovuf* 'нет трех коров', *ŕiĭĉul tŕeχ maliŭ ŕeĭĭ* 'бро-сил трех маленьких детей', *u ĩego bĭlo pŕeĭĭ sinuf i fŕiŕtkiχ tu f tŕĭŕestim ŕudnym roku poroŕŕŕelali / ĩe fŕiŕtkiχ a tŕeχ ŕtĭruχ* 'у него было пятеро сыновей и всех здесь в тридцать седьмом рас-стреляли, не всех, а трех-четырёх'. По системным соображе-ниям следует предполагать сохранение -eχ и в формах мест. п. Форма tŕuχ вне парадигматического опроса не зафиксирована. Остальные числительные первого десятка демонстрируют рас-пространение окончания -uχ: *ta m bĭla ŕkoĭa tilko do ŕtĭruχ^{Gen} kla-ŕaf* 'там была школа только до четырех классов', *s pŕeĭĭĉu^{Gen} goŕĭn* 'с пяти часов', *v dvu^{Loc} dumaχ / (tŕu^{Loc} dumaχ) / ŕtĭru^{Loc} pŕeĭĭĉuχ / ... v uŕtu^{Loc} / ŕejuĭĭĉuχ ŕeĭĭĉu^{Loc} ŕeŕeĭĭĉu^{Loc}* 'в двух домах, трех домах, четырех, пяти, ... в восьми, девяти (ошибоч-ная форма), девяти (правильная), десяти' (из парадигматиче-ского опроса). Несколько более сомнительны формы мест. п. числительных второго десятка: *...jedinasti^{Loc} dumaχ, dvunasti^{Loc}, tŕĭnasti^{Loc}* '(в) одиннадцати домах, двенадцати, тринадцати'. В мазурских говорах на исходной территории отмечаются фор-мы с флексиями -u, но также, хотя и гораздо реже, с -uχ и -uχ¹⁵. Формы дат. и твор. п. в ЗСПг записаны только от Бортницкого. К сожалению, в нашем распоряжении нет достаточно надеж-ных сведений о формах дат. п. в мазурских говорах на терри-тории их первоначального распространения. Нич указывает, что формы твор. п. на -ома равны формам дат. п., но приводит только примеры на твор. п.¹⁶. В *Słowniku gwar Ostródzkiego*¹⁷ приводится форма *czterym*, для других числительных в вы-шедших до сих пор томах формы дат. п. не приведены.

¹⁵ *Słownik gwar Ostródzkiego...*, t. 1, s. 392.

¹⁶ K. Nitsch, *Dialekty polskie Prus Wschodnich...*, c. 297.

¹⁷ *Słownik gwar Ostródzkiego...*, t. 1, s. 392.

6. РАЗВИТИЕ СЧЕТНОЙ ФОРМЫ

Количественные числительные от двух до четырех демонстрируют двойное синтаксическое поведение, реализуя или польскую, или русскую модель. В первом случае устройство именной группы в прямых падежах не отличается от наблюдаемого в косвенных, т.е. числительное выступает как зависимое и согласуется по падежу:

(23) słumi přinešli mne šurki dva^{Acc} vozi^{Acc.Pl}

Соломы привезли мне мальчики два воза.

(24) a tedi š to tři^{Nom} ruble^{Nom.Pl} to bili pšiinze

А тогда же три рубля это были деньги.

Во втором случае числительное является вершиной именной группы и управляет счетной формой существительного, идентичной в большинстве случаев форме род. п. ед. ч. (в примерах ниже эта форма согласно традиции помечена глоссой ^{Pauc}, т.е. **Paucal number; при этом мы не констатируем наличие паукального числа в ЗСПг**):

(25) dva^{Nom} ženča^{Pauc} pomerli

Два зятя померли.

(26) pšeňč^{Nom} žečuf^{Gen.Pl} dva^{Nom} šostri^{Pauc} i tři^{Nom} brata^{Pauc}

Пять детей: две сестры и три брата.

(27) šteri^{Acc} žešuntka^{Pauc} lat odrobžul

Четыре десятка лет отработал.

Обе модели могут встречаться рядом друг с другом в речи одного носителя:

(28) tři^{Nom} vnuka^{Pauc} vnučka i dva^{Nom} vnuki^{Nom.Pl}

Три внука: внучка и два внука.

(29) ona dva^{Acc} nešonca^{Pauc}, třečⁱ še uci, a štiri^{Acc} nešonca^{Acc.Pl} brak

Она два месяца, третий учится, а нужно четыре месяца.

Особо стоит отметить развитие счетной формы у лексемы *rok*: přezili tam tři roka ‘прожили там три года’, которая используется в аналогичных конструкциях наряду с более частотной исконной формой мн. ч.: mi žili tři lata f kazaxstańe ‘мы жили три года в Казахстане’. В сочетании с числительными от двух до четырех за-

фиксировано также гибридное образование, где к основе *rok-*, как в счетной форме, присоединяется флексия мн. ч. в соответствии с польской моделью: *on zdał za tři roki* 'он сдал за три года'. Появление таких конструкций обусловлено, во-первых, установленным в сознании носителей тождеством русской лексемы *год* и польской *rok*, а во-вторых, требованием грамматики, которая, по исконному для данного говора правилу, предписывает употребление формы мн. ч. при числительных от двух до четырех в вин. п. Возможно ли было употребление формы им. и вин. п. мн. ч. *roki* в мазурских говорах на исходной территории, нам неизвестно.

Отмечена и аналогичная гибридная форма лексемы *śłożek* 'человек': *tam nie żenczej zije dwa, tři śłożeki* 'там не больше живет (чем) два, три человека'. Кроме того, Ступинским зафиксирован единичный пример употребления формы род. п. ед. ч. *luźi* при сложном числительном с последним компонентом *šteri*: *luźe naceli mało choźić / tu było třiżeśći šteri v'erujušix luźi / a tera naved dvanašće ni ma* 'люди начали мало ходить, тут было тридцать четыре верующих человека, а теперь даже двенадцати нет'¹⁸. На употребление данной формы здесь явно повлияло соседство с формой род. п. мн. ч. прилагательного, заимствованного, как и вся конструкция со сложным числительным (и предикатом *biło* в форме ср. р.), из русского языка¹⁹.

В сочетании с числительным от 5 и выше возможно употребление формы род. п. мн. ч. с основой *śłożek-*: *zara nas šedem śłożekuf zije* 'сейчас нас семь человек живет', *u nas rodña duża / ot tak jesli še zebrać to mojej mojej śłożekuf pšeiźešunt* 'у нас родня большая, вот так, если собраться, то моей человек пятьдесят'. Эта форма, бесспорно, возникшая в ЗСПг в результате контакта с русским языком, употребляется наряду с исконной формой род. п. мн. ч. с основой *luź-*: *nas tud'i pšichoźi pšeiźešunt pšeiñć luźi* 'нас туда приходит пятьдесят пять человек'.

¹⁸ E. Stupiński, *Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska...*, с. 216.

¹⁹ Несомненно, этот случай никак не связан с некогда распространенной в восточной части мазурской группы говоров сочетаемостью числительных от 2 до 4 в прямых падежах с формой род. п. мн. ч. существительного: *dwa kańyńi, dwa lāt, dwa końuf, rši byeluf, dwa pavuf, rši ribuf* (Nitsch 1954, 297). Ни одного такого примера в исследуемом говоре не зафиксировано. Впрочем, ЗСПг восходит к говорам не восточной, а западной части мазурской группы, на что указывают такие фонетические черты, как асинхронная реализация мягких губных согласных с рефлексам *pš, bž, vž* при отсутствии *pħ, bŷ, vŷ*; преимущественно суженные рефлексы **ā*; отсутствие смягчения заднеязычных перед *ā* из старопольского **ǎ*.

7. ВЫВОДЫ

Числительные в ЗСПг демонстрируют целый ряд инноваций, обязанных контакту данного идиома с русским языком, из которых, пожалуй, лишь одна относится к области формальной парадигматики в узком смысле: это записанные от единственного носителя формы твор. п. количественных числительных *ršeńć ju*, *seść ju*. **Остальные инновации находятся на стыке словообразования, морфологии и синтаксиса** (усвоение русской модели образования и синтаксического поведения сложных порядковых числительных, развитие у числительных от 2 до 4 управления счетной формой), а также грамматической семантики (выражение персональности при абсолютном употреблении числительных). В результате всех этих процессов выравнивается польско-русская асимметрия, причем не происходит создания новых парадигматических единиц, а употребляются в новой или в несколько видоизмененной функции уже существующие (например, формы род. п. в функции собирательных числительных в независимом употреблении). Сопротивлением созданию новых парадигматических единиц объясняется и отсутствие каких бы то ни было признаков развития формы ж. р. у числительного *dwa* под влиянием рус. *две*.

Вытеснение из системы ЗСПг лексем, соответствующих польским *czterdzieści* и *dziewięćdziesiąt*, которые не имеют русских когнатов, частотность переключения кода и вкрапления русскоязычных элементов при воспроизведении сложных числительных, количественных и порядковых, при построении последних по русской модели — все это свидетельствует о разложении данного грамматического подкласса в исследуемом переселенческом говоре. Сложные числительные, малоупотребительные в домашней бытовой речи (единственная область функционирования данного идиома), замещаются русскими. Эти явления вписываются в общую тенденцию к постепенной языковой аттриции в сообществе «сибирских мазуров».

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СИТУАЦИИ...

Ilja Jegorow

LICZEBNIK W SYTUACJI SŁOWIAŃSKO-SŁOWIAŃSKIEGO KONTAKTU
JĘZYKOWEGO NA MATERIALE POLSKIEJ GWARY PRZESIEDLEŃCZEJ
W REPUBLICE CHAKASJA I W KRAJU KRASNOJARSKIM
(FEDERACJA ROSYJSKA)

Streszczenie

Niniejszy artykuł poświęcony jest liczebnikowi w polskiej gwarze przeniesionej używanej w dwóch wsiach na Zachodniej Syberii: Znamienka (Bogradski Rejon Republiki Chakasja) i Aleksandrowka (Krasnotyrański Rejon Kraju Krasnojarskiego). Ta gwara przesiedleńcza wywodzi się z mazurskiej grupy dialektu mazowieckiego. W badanym materiale w porównaniu do gwar mazurskich na pierwotnym terytorium poświadczono zostały takie innowacje, jak rosyjski model składniowy złożonych liczebników porządkowych, rozwój formy przyliczebnikowej rzeczowników w połączeniu z liczebnikami od '2' do '4', wyrażanie kategorii osobowości przy niezależnym użyciu liczebników. Rodzime liczebniki '40' i '90' nieposiadające dokładnych odpowiedników etymologicznych w języku rosyjskim zastąpiono zapożyczeniami. Te zjawiska są częścią szerszego procesu zaniku gwary w społeczności „syberyjskich Mazurów”.

Ilya Egorov

NUMERALS IN INTER-SLAVIC LANGUAGE CONTACT ACCORDING
TO THE DATA OF POLISH IMMIGRANT DIALECT IN REPUBLIC OF KHAKASSIA
AND KRASNOYARSK KRAI OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary

The article deals with the question of transformation of the numeral system in the Polish immigrant dialect spoken in two villages in Western Siberia: Znamenka (Bogradsky District of the Republic of Khakassia) and Alexandrovka (Krasnoturansky District of Krasnoyarsk Krai). The roots of the given immigrant dialect go back to Masurian group of Masovian dialect. The comparison of material in question to Mazurian dialect in Poland shows such innovations as the Russian syntax model of compound ordinal numerals, the development of paucal forms of nouns, the expression of personality by independent use of numerals. The original numerals for '40' and '90', that do not have Russian cognates, were replaced by borrowings. These phenomena are closely connected to general trend of language attrition in the immigrant community.